

DOI: [10.14515/monitoring.2022.5.2220](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2220)

А. П. Казун, А. А. Карпушкина, Д. В. Курихина, М. С. Савунова

БЬЕТ — ЗНАЧИТ ЛЮБИТ? СТРАТЕГИИ ДЕПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКИХ СМИ

Правильная ссылка на статью:

Казун А. П., Карпушкина А. А., Курихина Д. В., Савунова М. С. Бьет — значит любит? Стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 149—171. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2220>.

For citation:

Kazun A. P., Karpushkina A. A., Kurikhina D. V., Savunova M. S. (2022) "If He Beats You, It Means He Loves You"? Strategies for Deproblematizing Domestic Violence in the Russian Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 149–171. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2220>. (In Russ.)

Получено: 06.04.2022. Принято к публикации: 20.09.2022.

БЬЕТ — ЗНАЧИТ ЛЮБИТ? СТРАТЕГИИ ДЕПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКИХ СМИ

КАЗУН Антон Павлович — кандидат социологических наук, заместитель директора Института анализа предприятий и рынков, доцент департамента прикладной экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: akazun@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

КАРПУШКИНА Анастасия Александровна — независимый исследователь, Москва, Россия

E-MAIL: aakarpushkina@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4744-4461>

КУРИХИНА Дарья Владимировна — аналитик-исследователь, научно-учебная группа «Социально-правовые исследования» Института анализа предприятий и рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: dkurikhina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3340-6985>

САВУНОВА Мария Сергеевна — аналитик-исследователь, научно-учебная группа «Социально-правовые исследования» Института анализа предприятий и рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: mr.savunova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5447-3933>

“IF HE BEATS YOU, IT MEANS HE LOVES YOU”? STRATEGIES FOR DEPROBLEM- ATIZING DOMESTIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN MEDIA

Anton P. KAZUN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Deputy Director at the Institute for Industrial and Market Studies, Assistant Professor at the Department of Applied Economics

E-MAIL: akazun@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0091-5388>

Anastasia A. KARPUSHKINA² — Independent Researcher

E-MAIL: aakarpushkina@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4744-4461>

Daria V. KURIKHINA¹ — Research Analyst, Research Group “Socio-Legal Studies” at the Institute for Industrial and Market Studies

E-MAIL: dkurikhina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3340-6985>

Maria S. SAVUNOVA¹ — Research Analyst, Research Group “Socio-Legal Studies” at the Institute for Industrial and Market Studies

E-MAIL: mr.savunova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5447-3933>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Moscow, Russia

Аннотация. На протяжении последних десяти лет в публичном поле идут активные дискуссии о проблеме домашнего насилия в России. В 2017 г. побои в отношении близких родственников были декриминализованы, а закон о семейно-бытовом насилии так и не был принят, хотя неоднократно вносился в Государственную думу. Цель настоящей статьи — анализ контрриторических стратегий, которыми пользуются участники дискуссии, отрицающие наличие или важность проблемы насилия между интимными партнерами. На основе анализа более 1,4 тыс. публикаций о проблеме домашнего насилия в девяти ведущих печатных СМИ России за период с 2010 по 2020 г. мы выделяем и описываем шесть стратегий депроблематизации в соответствии с классификацией, предложенной П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом. Кроме того, мы выделяем не попадающую в классификацию седьмую стратегию, делающую акцент на материальной компенсации за насилие. Мы анализируем роль акцента на патриархальных ценностях в каждой из выделенных стратегий, а также делаем выводы об их возможной связи с общественным мнением о данной проблеме.

Ключевые слова: домашнее насилие, СМИ, стратегии депроблематизации, фрейминг, закон о профилактике семейно-бытового насилия

Благодарность. Публикация подготовлена в ходе проведения исследовательского проекта «Безопасность и виктимность населения России: социальные, экономические и культурные факторы» № 21-04-029 (Научно-учебная группа «Социально-правовые исследования») в рамках Программы

Abstract. Over the past 10 years, there have been furious public debates on domestic violence in Russia. In 2017, beatings against close relatives were decriminalized, and the law on domestic violence was never adopted, although it was repeatedly introduced into the State Duma. The purpose of this article is to analyze the counter-rhetorical strategies used by participants in the discussion who deny the existence or importance of the problem of violence between intimate partners. Based on the analysis of more than 1.4 thousand publications on the problem of domestic violence in nine leading print media in Russia from 2010 to 2020, we identify and describe six deproblematization strategies according to the classification proposed by P. Ibarra and J. Kitsuse. In addition, we add the seventh strategy that does not fall into the classification, which emphasizes material compensation for violence. We analyze the role of the emphasis on patriarchal values in each identified strategy and conclude their possible connection with public opinion on this issue.

Keywords: domestic violence, media, de-problematization strategies, framing, a law on the prevention of domestic violence

Acknowledgments. The publication was prepared by research group “Socio-legal Studies” within the framework of the Academic Fund Program at HSE University in 2021 (grant No. 21-04-029). The authors express their gratitude to Regina Resheteeva for joint work on the first stage of this project.

«Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2021-2022 гг. Авторы выражают признательность Регине Игоревне Решетевой за совместную работу в рамках научно-учебной группы над первым этапом данного проекта.

Введение

Согласно результатам проекта «Алгоритм Света»¹, основанного на автоматизированном анализе текстов судебных приговоров, примерно две трети женщин, убитых в России с 2011 по 2019 г., стали жертвами домашнего насилия. Суммарно за указанный период от рук близких людей погибли 12,2 тыс. женщин, большинство из них (9,8 тыс.) — жертвы своего партнера. «Алгоритм Света» — это первое в своем роде исследование, раскрывшее и убедительно доказавшее реальные масштабы проблемы, поскольку официальная статистика давала числа на порядок меньше — несколько сотен случаев ежегодно². Высокая латентность домашнего насилия — одна из серьезных проблем, на которые неоднократно обращали внимание исследователи [McIntyre, 1984; Xue et al., 2020]. Неслучайно в докладе UN Woman рост домашнего насилия в период пандемии назвали «теневой пандемией»³, ведь существенная часть данной проблемы остается скрытой. Латентности способствует много факторов, в том числе отсутствие официальной статистики о домашнем насилии, в особенности случаев, не заканчивающихся обращениями в полицию. Согласно статистике ресурсного центра «Анна», в 2020 г. по телефону доверия позвонили почти 50 тыс. женщин, ставших жертвами домашнего насилия⁴, однако это, безусловно, лишь часть общей картины, зафиксированная одной правозащитной организацией.

С юридической точки зрения жертвам домашнего насилия защитить свои права достаточно сложно — нередко обращения с жалобами на домашнее насилие игнорируются⁵. Еще в 2016 г. в Государственную думу вносился закон «О профилактике семейно-бытового насилия», направленный на установление специальных инсти-

¹ «Алгоритм Света» by Women Consortium | Readymag // Алгоритм Света. URL: <https://readymag.com/3025106> (дата обращения: 06.03.2022).

² Эксперты оценили вероятность принятия закона о домашнем насилии // МК.ru. 2019. 20 декабря. URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/12/20/eksperty-ocenili-veroyatnost-prinyatiya-zakona-o-domashnem-nasilii.html> (дата обращения: 06.03.2022).

³ Issue Brief: COVID-19 and Ending Violence against Women and Girls // UN Women. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/04/issue-brief-covid-19-and-ending-violence-against-women-and-girls> (дата обращения: 07.03.2022).

⁴ Количество обращений на телефон доверия за 2020 год приблизилось к 50 тысячам // Ресурсный центр «АННА». 2021. 24 февраля. URL: <https://anna-center.ru/tpost/dramzsy1-kolichestvo-obraschenii-na-telefon-dover> (дата обращения: 06.03.2022).

⁵ Альтернативный доклад правозащитных организаций Комитету CEDAW // Консорциум женских неправительственных объединений WCONS. 2021. 28 июня. URL: <https://wcons.net/biblioteka/alternativnyj-doklad-pravozashhitnyh-organizacij-komitetu-cedaw> (дата обращения: 07.03.2022).

тутов защиты от домашнего насилия, однако он был отклонен. Более того, в 2017 г. был принят федеральный закон⁶, который декриминализовал семейные побои и вызвал негативную реакцию в правозащитном сообществе. Последняя редакция законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» была внесена в Совет Федерации еще в 2019 г.⁷ и собрала более 11 тыс. комментариев, однако закон так и не был принят (см. подробный анализ дискуссии о законе: [Маркова, 2020; Муравьева, 2021]). В октябре 2021 г. спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила, что «откладывать дальше нельзя»⁸, инициировав очередной этап обсуждения данного закона, однако сроки его возможного принятия на момент написания данного исследования неясны.

На фоне данных событий нельзя сказать, что проблему домашнего насилия совсем не обсуждают в СМИ или что она не является частью общественной повестки дня. Громкие истории — такие как дело Маргариты Грачевой⁹, дело сестер Хачатурян¹⁰, скандалы, связанные с харассментом, и возникшее на их фоне движение #MeToo сильно, — актуализировали проблематику насилия против женщин. Несмотря на многолетнее присутствие данной проблемы в общественной повестке, в сторону изменения законодательства и правоприменительной практики было сделано мало практических шагов.

В настоящей статье мы рассматриваем дискуссию о партнерском насилии в отношении женщин, которая происходила в российских печатных СМИ с 2010 по 2020 г. Поскольку анализ данной проблематики — задача комплексная и масштабная, мы фокусируемся лишь на одном вопросе: какие аргументы используют сторонники точки зрения, что домашнее насилие не является актуальной проблемой? Наша задача состоит в том, чтобы выделить из дискуссии различные аргументы, классифицировать их и разделить на «стратегии депроблематизации» [Ясавеев, 2006], то есть способы конструирования общественной дискуссии, которые позволяют убедить аудиторию в отсутствии проблемы или в ее незначительности. Депроблематизация домашнего насилия через СМИ — это, безусловно, лишь одна сторона проблемы, однако она отражает и другие влияющие на дискуссию факторы, такие как ценности, распространенные в российском обществе, и позиция представителей власти. По этой причине мы считаем, что данное исследование способно внести вклад в дискуссию о проблематике домашнего насилия и сделать первый шаг к выявлению и объяснению причин, по которым на протяжении

⁶ Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов · Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 7 февраля. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702070049> (дата обращения: 06.03.2022).

⁷ Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2019. 29 ноября. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611> (дата обращения: 06.03.2022).

⁸ Матвиенко назвала сроки внесения в Госдуму закона о домашнем насилии // Известия. 2021. 13 октября. URL: <https://iz.ru/1235013/2021-10-13/matvienko-nazvala-sroki-vneseniia-v-gosdumu-zakona-o-domashnem-nasilii> (дата обращения: 06.03.2022).

⁹ Новости Р.И.А. История Маргариты Грачевой, которой муж отрубил кисти обеих рук // РИА Новости. 2018. 22 октября. URL: <https://ria.ru/20181022/1530984510.html> (дата обращения: 07.03.2022).

¹⁰ Сестер Хачатурян признали потерпевшими по делу о насилии // РБК. 2021. 23 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/03/2021/6059f7b49a7947edd8fc8213> (дата обращения: 07.03.2022).

последнего десятилетия так и не были предприняты попытки по снижению остроты проблемы домашнего насилия в российских семьях.

Теоретическая рамка исследования. Что такое домашнее насилие?

Под термином «домашнее насилие» скрывается сразу несколько проблем [Holt, Buckley, Whelan, 2008]. Это насилие между интимными партнерами (как состоящими в официальном браке, так и нет), насилие по отношению к детям, а также насилие в отношении людей старшего возраста. В настоящем исследовании мы фокусируемся на партнерском насилии в отношении женщин, то есть «домашнем насилии» в узком смысле. Одновременно с этим мы продолжаем использовать термин «домашнее насилие», поскольку именно он, как правило, возникает в публичных дискуссиях, посвященных проблематике побоев и жестокости между интимными партнерами. Безусловно, тематика насилия над детьми зачастую неотделима от насилия между интимными партнерами, однако мы не рассматриваем этот аспект, поскольку он требует отдельного исследования. Публичная риторика в случае насилия над детьми, а также рассуждения о его причинах отличаются от риторики о партнерском насилии. В свою очередь, тематика насилия по отношению к пожилым членам семьи еще менее типична для российского публичного поля и может обладать своей спецификой, потому мы также оставляем ее в стороне, не отрицая высокой значимости данной темы.

К домашнему насилию относятся не только случаи физического насилия (крайней формой которого являются убийства), хотя именно они наиболее часто попадают в криминальную хронику и вызывают наибольший резонанс. Исследователи разделяют физическое, психологическое, сексуальное и экономическое насилие, в качестве отдельной формы насилия выделяют ограничение физической свободы и чрезмерный контроль за поведением партнера (включая ограничение общения с родными и друзьями, запрет на работу и пр.) [Ali, Rogers, Heward-Belle, 2021]. Отличаться может и интенсивность возникновения насилия: от ситуационно возникающих конфликтов до постоянного подавления, унижения и избиения партнера [Johnson, 2010]. Понимая множественность форм партнерского насилия, мы вместе с тем должны указать на то, что анализ медиадискуссии (и особенно дискуссии вокруг законов, связанных с домашним насилием) неизбежно фокусируется преимущественно на физическом насилии, поскольку это наиболее явная его форма, которая проще поддается фиксации и криминализации.

С эмпирической точки зрения феномен домашнего насилия также непросто. Как уже было отмечено, оценить его масштабы сложно из-за высокой латентности. Кроме того, разные инструменты измерения зачастую дают сильно различающиеся оценки его масштабов [Kourti et al., 2021]. Это обстоятельство повышает роль медиа, ведь именно СМИ могут расставить акценты внутри сложной и многофакторной проблемы, подсветить те или иные ее особенности.

Медиа и домашнее насилие

Вопрос о том, как проблема домашнего насилия фреймируется в СМИ, — важная часть международной исследовательской повестки [Abraham, Tastsoglou, 2016]. Исследователи подчеркивают ключевую роль медиа в процессе формирования

повестки дня [Bullock, 2007; Wanta, Golan, Lee, 2004], которая впоследствии влияет на общественное мнение [Kazun, 2020]. В том числе это относится к освещению преступлений в СМИ [Barak, 1988]. Социальные проблемы конкурируют между собой за внимание публики [Spector, Kitsuse, 1977]. Это означает, что тематика домашнего насилия может вытесняться из публичного пространства другими актуальными темами или же, напротив, захватывать повестку дня. Особую роль в последнем играют «громкие истории»: например, в США дело о предполагаемом убийстве футболистом и актером О. Джей Симпсоном своей бывшей жены и ее приятеля привело к росту числа публикаций о домашнем насилии, которые никак не были связаны с этим делом [Maxwell et al., 2000].

Следует отметить, что освещение домашнего насилия в медиа нередко подвергается критике. Во-первых, критикуется качество публичной дискуссии. Например, указывается на низкий уровень публичной дискуссии в одном из регионов США: в большинстве случаев домашнее насилие подавалось просто как набор фактов о преступлении (то есть отсутствовал нарратив, связанный с проблематизацией ситуации), в СМИ редко приводились мнения жертв или их представителей, лишь в одном из десяти случаев давалась информация о том, как можно избежать проблемы (например, ссылки на телефон доверия) [Seely, Riffe, 2021]. Домашнее насилие действительно нередко описывается в СМИ именно в полицейской терминологии, поскольку правоохранительные органы чаще всего служат источником информации о том или ином деле, диктуя способы его описания [Gillespie et al., 2013]. Исследователи также обращают внимание, что преступления на бытовой почве, совершенные мужчинами и женщинами, описываются в СМИ по-разному. При описании преступлений, совершаемых женщинами, СМИ делают акцент на эмоциях как причине совершенного поступка [Carlyle, Scarduzio, Slater, 2014]. Во-вторых, в литературе часто критикуется ценностный аспект дискуссии о домашнем насилии, в которой нередко имеют место культурные, этнические [Abraham, Tastsoglou, 2016] и гендерные стереотипы [Bullock, 2007], а также находят отражение консервативные нормы и ценности. В-третьих, нередко в СМИ встречается обвинение жертвы: указание на то, что жертвы домашнего насилия по тем или иным причинам сами виновны в сложившейся ситуации [Taylor, 2009].

Все вышеперечисленные недостатки могут работать на то, чтобы снизить актуальность проблемы домашнего насилия в глазах публики — спрятать ее в нарративе преступности, оправдать через культурные нормы или стереотипы, переложить ответственность на жертву и т. д. Таким образом, критический анализ медиадискуссии о семейно-бытовом насилии зачастую подчеркивает недостатки, связанные с низким уровнем проблематизации таких ситуаций. Примечательно, что немалая часть исследований посвящена анализу публичной дискуссии в США и Европе, где проблема домашнего насилия уже многие годы в центре внимания, а законодательство предоставляет весьма широкие возможности как для наказания виновников домашнего насилия, так и для его профилактики. Это делает особенно актуальным анализ ситуации в странах, где общественная дискуссия о домашнем насилии находится на стадии обсуждения введения законодательных мер.

Российские исследователи [Бадонов, 2017; Хилажева, 2015] отмечают актуальность проблематики домашнего насилия, выделяя факторы, которые могут спо-

собствовать ее возникновению. Социологические работы по тематике домашнего насилия в России в большинстве своем основываются на результатах опросов населения, однако систематического изучения медиадискуссии вокруг данной проблемы до настоящего времени не проводилось. В исследовании М. Муравьевой предложен анализ более 11 тыс. комментариев к закону о домашнем насилии 2019 г., позволивший выделить дискурсивные кластеры с описанием аргументов противников данного закона [Муравьева, 2021]. В работе Я. Марковой проанализированы риторические стратегии противников закона о профилактике домашнего насилия на основе трех открытых текстов: открытого письма Президенту РФ, заявления Патриаршей комиссии по вопросам семьи и официального ответа Минюста на запрос ЕСПЧ по вопросу домашнего насилия [Маркова, 2020]. Эти исследования наиболее близки по содержанию к работе, которая проводится в рамках настоящей статьи, потому в эмпирической части статьи мы проведем некоторые параллели между нашими результатами.

Риторические стратегии и депроблематизация

Характер дискуссии в СМИ о тех или иных социальных и экономических вопросах зачастую обусловлен влиянием различных групп интересов, в том числе присутствующих в медийном поле политиков, экспертов, правозащитников и активистов. Например, разные группы интересов активно участвовали в конструировании общественного мнения о том, нужно ли России вступать в ВТО [Казун, 2015]. Также через фрейминг в СМИ конструировалось восприятие политики импортозамещения [Казун, Дорофеева, 2019]. После присоединения Крыма и введения санкций, стратегии депроблематизации сыграли немаловажную роль в поддержании высокого рейтинга власти [Казун, 2016]. В случае возникновения тех или иных неприятных ситуаций, например массового отравления суррогатным алкоголем [Казун, Казун, 2017], СМИ могут перенаправить внимание публики на другие вопросы или же подать ситуацию в выгодном для власти свете. Вместе с тем возможно и усиление актуальности того или иного социального феномена, например полицейского насилия [Кольцова, Ясавеев, 2013]. Наконец, в контексте пандемии коронавируса СМИ стали ключевым инструментом коммуникации власти с населением по вопросам, связанным с необходимостью соблюдения ограничительных мер [Казун, Казун, 2020], вакцинацией и пр.

Из корпуса литературы можно сделать вывод, что медиа важны российской власти и другим группам интересов для контроля за повесткой дня не только по политическим и международным вопросам, но и по вопросам, связанным с экономической и социальной политикой. В этом контексте можно ожидать, что и дискуссия о проблеме домашнего насилия будет определенным образом конструироваться через СМИ.

Ученые разделяют два направления конструирования дискуссии о той или иной проблеме [Van Gorp, Vyncke, 2021] — проблематизацию, то есть акцентирование актуальности и значимости того или иного вопроса, и обратный процесс конструирования «не-проблем», то есть депроблематизацию [Ясавеев, 2006]. В исследовании, проведенном П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом выделяется девять типичных стратегий депроблематизации (иначе говоря, контрриторических стра-

тегий), которые могут встречаться в медиа [Ibarra, Kitsuse, 2003]. Если применить их к проблематике домашнего насилия, то получатся гипотетические стратегии, описанные в таблице 1.

Таблица 1. Возможные стратегии депроблематизации домашнего насилия в соответствии с классификацией П. Ибарры и Дж. Китсьюза

Несочувствующая контрриторика (проблема вообще не признается)	Сочувствующая контрриторика (проблема признается, но ставится под сомнение ее значимость)
Антитипизация: домашнего насилия как системной проблемы нет, есть лишь частные случаи, с которыми может разобратся полиция или органы опеки	Натурализация: насилие в семье между партнерами — это естественная и неизбежная часть жизни, часть нашей культуры
Опровергающие истории: на самом деле в России нет насилия между партнерами / на самом деле мужчины тоже становятся жертвами домашнего насилия	Контрриторика затрат: проблему домашнего насилия можно решить, но только очень дорогой ценой, которая несоизмерима с выгодами
Контрриторика неискренности: проблему домашнего насилия намеренно раздувают, чтобы дестабилизировать ситуацию в стране	Декларация бессилия: какие бы законы и меры мы ни принимали, домашнее насилие останется
Контрриторика истерии: в дискуссии о домашнем насилии много эмоций, но мало фактов	Перспективизация: наличие в России проблемы домашнего насилия — это лишь субъективное мнение некоторых граждан, которые не видят полной картины
	Критика тактики: проблему домашнего насилия, конечно, нужно решать, но не через ужесточение законодательства

Стоит отметить, что в таблице 1 представлены именно возможные стратегии, выведенные дедуктивно на основе классификации [ibid.]. Это не означает, что в реальной дискуссии в СМИ мы обнаружим все эти стратегии или же хотя бы некоторые из них. В эмпирической части работы мы подробнее опишем и проиллюстрируем те стратегии депроблематизации домашнего насилия, которые неоднократно встречались в ведущих печатных СМИ.

Методология исследования

В настоящем исследовании мы фокусируемся на дискуссии в ведущих российских печатных изданиях, посвященной партнерскому насилию, то есть формам физического, психологического, сексуального или иного насилия между сожителями или супругами. Таким образом, мы оставляем в стороне тематику насилия по отношению к детям, которое, однако, нередко является сопутствующей тематикой в дискуссиях.

На первом этапе мы сформировали список ключевых слов для поиска по базе данных Factiva Dow Jones, который мог бы максимально полно охватить тематику семейно-бытового насилия. Недостаток использования простого поискового запроса «домашнее насилие» состоит в том, что в публикациях могли не использо-

вать этот термин. По этой причине наш итоговый поисковый запрос¹¹ структурно состоит из двух частей: а) упоминание семейного, бытового или домашнего насилия в различных формах; б) упоминание различных форм партнерского насилия, включая убийство, избиение, побои и пр., которые совершаются между супругами или сожителями. Итоговый запрос позволил найти большее количество релевантных источников, чем запрос по ключевому слову «домашнее насилие».

На втором этапе мы произвели выборку печатных изданий, что позволило сформировать выборку статей, доступную для качественного анализа. Мы выделяем три категории изданий и в каждой категории выбираем три издания, имевших наибольшее количество публикаций о домашнем насилии. Выборка изданий и число публикаций, содержащих ключевые слова, представлены в таблице 2.

Таблица 2. **Выборка печатных изданий и текстов, упоминающих домашнее насилие**

Тип издания	Название газеты / журнала	Число текстов, упоминающих домашнее насилие в 2010—2020 гг.
Массовое	Московский комсомолец	319
	Комсомольская правда	211
	Аргументы и факты	44
Общественно-политическое	Meduza (с 2016 г.) *	330
	Российская газета	208
	Новая газета	128
Деловое	Коммерсант	128
	Ведомости	55
	РБК	32
<i>Итого</i>		1466

* 23 апреля 2021 г. издание «Meduza» было внесено в реестр средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

Можно также отметить, что все попавшие в нашу выборку издания на октябрь 2021 г. входили в топ самых цитируемых газет и интернет-изданий по данным «Медиаскоп»¹². Таким образом, наша выборка отражает не только самые активные (в количественном отношении) издания, но и самые авторитетные. Вместе с тем мы не рассматриваем публикации в информационных агентствах (которые нередко пишут о домашнем насилии), а также в региональной прессе¹³.

¹¹ Итоговый поисковой запрос в базе данных Factiva выглядит следующим образом: ((бил OR избил* OR бьет OR убил* OR ударил* OR угрожал* OR убийств* OR угроз* OR насили* OR побои OR рукоприкладств*) near3 (муж OR супруг OR сожитель OR жена OR супруга OR сожительница)) OR (Насили* near3 (домашн* OR семейн* OR бытово*)).

¹² В рейтинге: Федеральные СМИ — октябрь 2021 // Медиалогия. 2021. 29 ноября. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/10345/#gazeti> (дата обращения: 07.03.2022). Из топ-10 самых цитируемых газет в нашей выборке нет только «Известий» и «Парламентской газеты». Издание Meduza.ru* входит в список самых цитируемых интернет-изданий в социальных медиа.

¹³ Наш анализ фокусируется только на дискуссии в федеральных изданиях, производящих свой собственный уникальный контент. Анализ региональной дискуссии находится за рамками настоящей статьи, но представляется интересной задачей для дальнейших исследований, поскольку может раскрыть взаимосвязь между риторикой СМИ и различными культурными и социально-экономическими особенностями регионов России.

Суммарно в рамках настоящего исследования было проанализировано 1466 статей, в которых встречаются указанные ключевые слова. Не во всех случаях домашнее насилие было ключевой и основной темой, иногда данная проблема упоминалась в контексте других общественно значимых вопросов.

На третьем этапе работы с данными мы прочитали и закодировали попавшие в нашу выборку статьи по самым разным параметрам: участники и эксперты, типология аргументов, социальный контекст. В настоящем исследовании мы фокусируемся только на той части анализа, которая касается аргументов об отсутствии проблем, они, в свою очередь, были отнесены к различным стратегиям депроблематизации в классификации П. Ибарры и Дж. Китсьюза.

Прежде чем перейти к описанию выделенных стратегий, важно указать на существенный момент: нас интересовали не позиции издания или автора статьи, но любые аргументы, которые можно найти в медиадискуссии. Издания нередко приводят аргументы как «за», так и «против» той или иной позиции в одной и той же статье, предоставляя возможность высказаться самым разным участникам процесса. По этой причине во всех цитатах, которые мы приводим ниже по тексту, мы уточняем авторство или контекст, в котором озвучивался тот или иной аргумент. Таким образом, наличие в конкретном СМИ аргументов, направленных на депроблематизацию домашнего насилия, совсем не означает, что редакция издания намеренно использует данную стратегию.

Результаты исследования

В ходе анализа мы выделили семь стратегий депроблематизации. Три стратегии попадают в группу «несочувствующей контрриторики», то есть отвергают проблему, еще три стратегии можно отнести к сочувствующей контрриторике, которая не отрицает проблему, но ставит под сомнение способы ее решения. Наконец, одна стратегия депроблематизации не вписывается ни в один из предложенных стандартной классификацией типов — компенсация за насилие. Ниже опишем и рассмотрим каждую из выделенных стратегий.

Стратегия 1. Антитипизация: домашнее насилие как «частный случай»

Антитипизация — один из видов несочувствующей контрриторики, который предполагает разрушение проблемы через отрицание ее системности или типичности. В случае с проблематикой домашнего насилия это означает, что проблема как таковая не признается, но разбивается на отдельные девиантные случаи. Ключевой нарратив можно сформулировать следующим образом: «да, в отдельных семьях муж бьет жену, это плохо, но не является системной и массовой проблемой».

Данная стратегия может реализовываться через следующие не взаимоисключающие техники. Во-первых, случаи домашнего насилия могут описываться в формате криминальной хроники: А убил(а) В, приехала полиция и задержала А, суд вынес наказание.

Кристина заявила, что в феврале муж избил ее, нанося удары в том числе и предметом, похожим на пистолет. Побои были зафиксированы, а отношения супругов дали трещину. (Российская газета, 01.09.2010)

Нередко такая ситуация вообще не называется домашним насилием, а подается в формате семейной разборки:

Только за последние несколько месяцев нашу страну потрясла целая серия супружеских разборок с летальным исходом. (Московский комсомолец, 23.02.2013)

Во-вторых, подобного рода описания помогают представить вопрос «домашнего насилия» как часть более общей проблемы, преступности или девиантного поведения в целом. В явной форме это можно увидеть в следующей цитате:

Кабанов совершил, простите, обычную бытовуху. И это не то социальное явление, которое мы должны внимательно изучить, чтобы не допустить подобного в дальнейшем. <...> Простите, но я считаю, что во всех наших личных драмах виноваты только мы сами. (Комментарий колумниста, Комсомольская правда, 15.01.2013)

В-третьих, в рамках данной контрриторической стратегии может подчеркиваться индивидуальный характер проблем, возникающих между конкретными партнерами:

Но надо понимать, что семейные отношения — дело тонкое и сугубо индивидуальное. То, что в одной семье представляется совершенно недопустимым, в другой является нормой, приемлемой для всех ее членов. (Российская газета, 27.02.2020)

Подчеркивание индивидуальных особенностей и уникальных характеристик каждой истории подводит читателя к тому, что совершить обобщение (типизацию) этих проблем нельзя. В этом контексте характерна, например, следующая история:

Причем до суда сегодня доходят даже дела, на которые раньше полиция могла и не отреагировать. Например, недавно в Вологде разбирали дело 96-летнего мужчины, избившего тростью свою 95-летнюю супругу. Пенсионер не мог найти в коробке гвозди, разнервничался, стал обвинять жену, якобы она их украла, несколько раз ударил ее тростью. Женщина вызвала полицию. Пока составлялся протокол по статье КоАП, супруги уже помирились. Она попросила прекратить дело, а он пообещал, что больше бить ее не будет и вообще постарается вести себя хорошо. Суд, изучив все обстоятельства, ограничился устным замечанием пенсионеру. (Российская газета, 15.12.2020)

Таким образом, первая стратегия может реализовываться в двух направлениях: через декларацию уникальности каждого случая или же, напротив, через помещение всей проблемы домашнего насилия в широкий контекст преступности. Оба варианта приводят к тому, что «домашнее насилие» не обсуждается как системная проблема или как проблема вообще.

Стратегия 2. Опроверяющие истории:
мужчины тоже жертвы, женщины тоже убивают

Вторая стратегия из арсенала несочувствующей контрриторики — использование опровергающих историй. Применительно к домашнему насилию это означает

два взаимосвязанных тезиса: мужчины тоже становятся жертвами домашнего насилия, а женщины выступают агрессорами.

Например, такое описание подхода можно увидеть в статье «Московского комсомольца» 2010 г., описывавшее так называемое движение «сюткинистов»¹⁴:

Да и вообще, по мнению сюткинистов, мужчины страдают куда больше, чем женщины, а всякое угнетение женского пола и домашнее насилие сильно преувеличено. В доказательство на сайте приводится статистика: «От травм, полученных на производстве, мужчин погибает в десять раз больше, чем женщин, 70 % страдающих наркоманией — мужчины (обычно молодые мужчины), 85 % всех бездомных — мужчины». (Описание корреспондента на основе общения с представителями движения, Московский комсомолец, 02.03.2010)

В другом примере мужчины также предстают жертвами домашнего насилия:

Феминистки козыряют жертвами домашнего насилия, раздувая проблему до размеров гендерного геноцида. А не пора ли подсчитать жертв домашнего насилия среди мужчин? Затравленных, забитых, запиленных, оглушенных истериками, замученных на подработках, загнанных под плинтус? (Авторская колонка, Московский комсомолец, 07.03.2013)

В проанализированной нами выборке статей мы нашли несколько десятков кейсов, в которых мужчины становились жертвам насилия со стороны женщин. Например, в статье «Супруга бизнесмена повторила судьбу леди Макбет Мценского уезда» (27.04.2011, Московский комсомолец) описывается ситуация, в которой жена и ее любовник договорились убить мужа из-за денег и раскрытой измены. Название статьи отсылает к повести Николая Лескова, что как бы дополнительно подчеркивает «типичный» характер подобной истории для России. В другой статье под названием «Уральский ответ сестрам Хачатурян: Жена заказала мужа киллеру, а потом для алиби вызвала „Скорую“ и полицию» (02.10.2018, Комсомольская правда) проводится параллель между известным громким кейсом о самозащите от домашнего насилия и заказным убийством отца, организованным его женой и сыном, которые, по их словам, тоже страдали от домашнего насилия. В данном случае подчеркивается асимметрия между домашним насилием в семье и убийством, ставшим реакцией не него. Другой яркий пример асимметричного ответа демонстрирует следующая история с использованием черной магии:

После очередного скандала с побоями вместо того, чтобы заявить в полицию, женщина обратилась за помощью к знаменитому протвинскому экстрасенсу Константину Гришину. Первоначальной целью Оксаны было сохранить семью, это подтверждает сам экстрасенс. Но спустя некоторое время Степкина настолько увлеклась колдовством,

¹⁴ Движение получило свое название из-за интернет-мема с певцом Валерием Сюткиным. Сам певец никакого отношения к движению не имеет и даже судился с сайтом Lukmore из-за этого мема. См. подробнее: «Слово „сюткинизм“ в интернете закрепилось как описание бытового насилия» // Коммерсантъ. 2014. 9 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2629325> (дата обращения: 07.03.2022).

что решила навести порчу на мужа — с помощью магии вызвать у Сергея болезнь, а потом смерть. Экстрасенс, по словам женщины, помогал ей с организацией «смертельных» обрядов. По совету колдуна Оксана должна была «похоронить» фото и вещи мужа на кладбище, привезти крышку гроба к дверям квартиры, где проживал Сергей и, даже, совершить ритуальное убийство кладбищенского бомжа, дабы свести супруга в могилу. (Описание кейса, 08.06.2013, Московский комсомолец)

Подобные кейсы создают очень простой нарратив: домашнее насилие — это не только ситуации, в которых женщины выступают жертвами, часто жертвами становятся и мужчины. Отметим, что в исследовании Я. Марковой аналогичный нарратив о жертвах-мужчинах выделяется в официальной риторике оппонентов закона о профилактике семейно-бытового насилия [Маркова, 2020].

Стратегия 3. Контрриторика неискренности: проблему намеренно раздувают

Третьей стратегией, которая ставит под сомнение проблематику домашнего насилия, является тезис об искусственно сконструированной дискуссии, участники которой преследуют свои политические или экономические цели.

Например, сам термин «домашнее насилие» может подаваться как политическая технология, которая намеренно внедряется в России:

Д. Н. Смирнов [председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, материнства и детства]: «Мы точно знаем, что сам этот термин „домашнее насилие“ и идеи пришли к нам с Запада. И там он послужил делу распада семьи. Есть отработанная технология. И к нам это понятие постоянно внедряется. Под семейным насилием подразумеваются самые обычные вещи — мама запрещает что-то дочке, говорит нельзя — психологическое насилие». (Цитата, Комсомольская правда, 27.11.2019)

В исследовании М. Муравьевой был обнаружен аналогичный по содержанию дискурсивный кластер при анализе комментариев к закону о профилактике семейно-бытового насилия [Муравьева, 2021]. Указанный закон воспринимался некоторыми комментаторами как вмешательство во внутренние дела России, как попытка навязать ценности, несвойственные нашему традиционному обществу. Аналогичный вывод о вредности понятия «домашнее насилие» можно найти и в официальной публичной риторике оппонентов закона о домашнем насилии [Маркова, 2020].

В качестве дополнительного аргумента о неискренности сторонников закона может использоваться тезис о намеренном раздувании проблемы:

Е. Б. Мизулина: «Нам искусственно навязывают тему закона о семейно-бытовом насилии, настаивая на ее актуальности и злободневности. <...> Статистика не демонстрирует роста подобных преступлений — они находятся на уровне 0,02% от общего количества правонарушений». (Цитата, Комсомольская правда, 02.03.2016)

М. Л. Гальперин: «явление насилия в семье, к сожалению, существует в России, как и в любой другой стране», но утверждалось, что «масштабы проблемы, а также серьез-

ность и масштабы его дискриминационного воздействия на женщин в России достаточно преувеличены». (Цитата, Коммерсант, 24.12.2019)

Стратегия 4. Натурализация: домашнее насилие как естественная часть культуры

Несмотря на наличие в СМИ аргументов, отвергающих проблему домашнего насилия, нередко встречаются и аргументы, которые не отрицают наличие насилия в семьях, но нормализуют его. Основной нарратив можно сформулировать следующим образом: если муж бьет жену, то это нормально и естественно, таковы патриархальные традиции нашей страны.

Эту стратегию можно проиллюстрировать, например, следующей цитатой:

Вышла замуж? Терпи! Страдания, испытания и искушения наши даны нам за наши грехи, и не бежать мы от них должны, а с благодарностью принимать. (Пересказ слов мужа со стороны жертвы домашнего насилия, Московский комсомолец, 27.02.2012)

Ответственность за домашнее насилие в рамках данной тактики частично или полностью перекладывается на жертву (виктимблейминг). Если вести себя хорошо, то и насилия не будет:

Я считала, что только плохих женщин бьют, каких-то падших. Хороших бить не будут. (Реплика жертвы домашнего насилия, Ведомости, 06.08.2015)

Ярким примером такой аргументации является и неосторожное высказывание телеведущей и блогера Регины Тодоренко, за которое ей пришлось неоднократно приносить извинения¹⁵:

Р. Тодоренко: «Надо быть психически больным человеком, который берет камеру и говорит: „Боже, мой муж меня бьет!“ Твой муж тебя бьет, а почему, ты не задумывалась? А что ты сделала для того, чтобы он тебя не бил? Что ты сделала для того, чтобы он тебя ударил?» (Цитата, Комсомольская правда, 27.04.2020)

Стратегия 5: Контрриторика затрат: независимость семейной жизни как «цена» закона о домашнем насилии

Контрриторика затрат может быть связана не только с прямыми экономическими издержками от принятия того или иного закона, но и с иными последствиями, которые могут рассматриваться как цена решения. В контексте дискуссии о негативных последствиях закона о домашнем насилии речь, как правило, идет о цене, выраженной во вмешательстве в семейные отношения, рисках для традиционных ценностей. Этот тезис неоднократно озвучивался в том числе представителями власти:

[Сенатор Елена] *«Мизулина утверждала, что возможность уголовного наказания за побои родственников может нанести „непоправимый вред семейным отношениям“».* (Цитата, РБК, 21.10.2019)

¹⁵ Тодоренко лишили титула «Женщина года» после слов о домашнем насилии // РБК. 2020. 25 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ea45ce29a79473e1e7a7bdb> (дата обращения: 07.03.2022).

Аналогичным образом высказывались представители церкви:

Законопроект, говорится в заявлении Патриаршей комиссии, имеет «явную анти-семейную направленность, умаляя права и свободы людей, избравших семейный образ жизни, рождение и воспитание детей в сравнении с остальными». Документ, считают в РПЦ, «фактически вводит особое наказание за семейную жизнь». (Цитата, «Медуза», 04.12.2019)¹⁶

Весьма ярко данную стратегию депроблематизации иллюстрирует следующий нарратив:

Бывает, только дома, в кругу своей семьи, иной человек может, так сказать, расслабиться и выплеснуть накопившиеся за день негативные эмоции, отыграться на родных и близких за случившиеся неприятности. Ну, а с экономическим вообще интересно может получиться. Не дал жене денег на сапоги — насилие, истратились родители до получки — опять-таки насилие над всеми членами семьи. Если такой закон вступит в силу, то самым простым и надежным способом не попасть под его действие будет просто не вступать в законный брак, — утверждает профессор Соловьев. <...> Сами того не заметите, как станете объектом профилактики какой-нибудь НКО, представители которой залезут не только в семейные отношения, но и в ваш дом, и на работу. (Цитата, Российская газета, 01.12.2015)

В рамках данной стратегии закон о профилактике семейно-бытового насилия и независимость, свобода семейной жизни ставятся на разные чаши весов. Принятие первого автоматически влечет затраты в виде потери второго. Согласно результатам исследования М. Муравьевой, сходные аргументы неоднократно высказывали и комментаторы законопроекта о домашнем насилии [Муравьева, 2021]. В работе Я. Марковой также подчеркивается роль данного аргумента и в риторике противников закона о домашнем насилии [Маркова, 2020].

Стратегия 6. Критика тактики: нужно давать второй шанс

Следующей стратегией депроблематизации домашнего насилия, которая отлично стыкуется с предыдущей стратегией, является тезис о том, что проблема, конечно, существует, но решать ее нужно иначе, не через закон о домашнем насилии, а например, индивидуально, внутри каждой семьи.

Критика законодательного вмешательства обосновывается его чрезмерной жестокостью за случайные проступки:

[Андрей Исаев, первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в ГД]: «Но абсурдно, когда человека могут посадить в тюрьму на 2 года за синяки и царапины, нанесенные в случайно вспыхнувшей ссоре между близкими». (Российская газета, 01.02.2017)

¹⁶ данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранный агента».

[Адвокат, выступающий за декриминализацию побоев]: «Безусловно, семейные побои — недопустимое деяние, но если люди находятся в семейных связях, то их отношения даже в случае острого конфликта не так общественно опасны, чтобы попадать под уголовное наказание». (Ведомости, 28.07.2018)

В рамках данной стратегии нередко используется тезис о необходимости «дать второй шанс». Этот тезис в том числе озвучивал президент России В. В. Путин в контексте принятия закона о декриминализации побоев:

В. В. Путин: «Нужно людям, которые оступились, дать шанс остаться здоровой частью общества — все вы знаете, как тяжело судимость отражается на судьбах, даже если наказание не связано с лишением свободы». (Цитата, «Московский комсомолец» 17.06.2016)

Проблема домашнего насилия в рамках данной стратегии не отрицается, но ставятся под сомнения способы ее решения.

Стратегия 7. Контрриторика компенсации за насилие

По результатам анализа мы также выделяем седьмую стратегию, которая не относится напрямую ни к одной из типичных стратегий, выделяемых в классификации П. Ибарры и Дж. Китсьюза. Основной нарратив состоит в том, что домашнее насилие существует, но оно сглаживается тем обстоятельством, что агрессор должен компенсировать жертве или ее семье возникшую вспышку насилия:

Когда Байсаров избил мою дочь до полусмерти, спустя время он приехал ко мне и начал извиняться. И сказал, что по его обычаям он должен заплатить штраф. Мол, должен купить мне как матери квартиру или машину. Ну и купил. Знаете, с паршивой овцы хоть клочок шерсти. (Цитата жертвы домашнего насилия, Московский комсомолец, 03.09.2011)

Случаи, когда виноватый муж откупается шубой, вполне имеют право на жизнь. Если для супруги боль от того, что он сделал, равноценна шубе. (Комментарий колумнистки, 24.09.2011, Комсомольская правда)

По словам адвоката, жена очень несправедливо с ним поступает. Ведь он ей ни в чем никогда не отказывал. На день рождения в сентябре даже подарил автомобиль «БМВ». (Описание колумнистом случая домашнего насилия, Московский комсомолец, 25.02.2012)

Контрриторика компенсации также предполагает указание на то, что ситуация домашнего насилия оказывается в какой-то мере выгодна самим жертвам, которые умело пользуются ситуацией, «шантажируя» агрессора для получения материальной выгоды:

Русские мужчины, безусловно, в таких ситуациях чувствуют себя виноватыми, корят себя и вполне искренне обещают и себе, и жене, что это не повторится. Потому что,

как бы ни ссылались они на «Домострой», в нашем обществе это не принято, и распускающие руки мужа прекрасно понимают, что, если жена предаст огласке их поведение, их осудит не только суд, но даже собственные приятели и род. Вот почему мужчины готовы всячески искупать свою вину, лишь бы благоверная не вынесла «сор из избы». А женщины этим манипулируют — порождая бесконечные повторы «буйных припадков». (Московский комсомолец, 06.09.2014)

Потенциально данную риторику можно отнести и к натурализации, и к критике тактики (нужно давать второй шанс), но в целом, на наш взгляд, она достаточно самостоятельна и необычна. По своей логике данная контрриторическая стратегия может быть названа не просто консервативной, а архаичной. Например, в Церковном уставе Князя Ярослава предусматривается денежная компенсация за насилие над женщиной, которая выплачивается как семье пострадавшей, так и церкви. Аналогичная логика материальной компенсации за насилие присутствовала во многих других юридических документах древнего мира, хотя семейное насилие в то время скорее не входило в перечень проступков, требовавших компенсации.

Один из выводов данной стратегии депроблематизации — терпение вознаграждается. Если не «выносить сор из избы», то все страдания будут компенсированы. Впрочем, можно отметить, что примеры данной стратегии были найдены нами только в начале анализируемого периода, после чего они не встречались.

Обсуждение результатов

Мы постарались систематизировать аргументы противников закона о домашнем насилии и сторонников идеи, что семейно-бытовое насилие в России не составляет серьезную проблему. Мы обнаружили шесть стратегий, которые вписываются в классификацию П. Ибарры и Дж. Китсьюза, а также одну дополнительную форму депроблематизации. Мы не обнаружили систематических аргументов в русле контрриторики истерии, перспективизации, а также декларации бессилия. Если говорить о последней, то она, как и указывалось ранее [Ясавеев, 2006], в целом наименее выгодна — в контексте проблемы домашнего насилия и предложений о принятии закона о профилактике семейно-бытового насилия странно было бы говорить о том, что проблема не имеет никакого решения. Контрриторика истерии и перспективизация — это стратегии, связанные с личностью оппонента, поэтому, вероятно, их место не в публикациях в СМИ, а в персонализированных дискуссиях, которые могут происходить в ток-шоу или разворачиваться на страницах социальных сетей, — возможно, поэтому в прессе они оказались менее широко представлены.

Анализ медиадискуссии за последние десять лет позволяет выделить аргументы, в целом аналогичные тем, что активно использовались противниками законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия 2019 г. [Маркова, 2020; Муравьева, 2021]. Этот вывод в очередной раз доказывает наличие взаимосвязи между дискуссией в СМИ о домашнем насилии в целом и контрриторическими стратегиями, которые используются в дискуссиях о конкретных законопроектах. Это позволяет также отметить, что многие из стратегий депроблематизации, при-

существовавшие в дискуссии о законе 2019 г., сформировались в медиаповестке задолго до ее возникновения.

Ключевой вопрос состоит в том, насколько данные контрриторические стратегии находят поддержку со стороны населения. В 2019 г. ВЦИОМ провел опрос населения по данному вопросу¹⁷, результаты которого показали, что большинство россиян (78 %) считают данную проблему важной для страны (среди женщин 87 %), 40 % указали на то, что знают о случаях домашнего насилия в семьях своих знакомых. С необходимостью принять закон о профилактике семейно-бытового насилия также согласилось большинство (70 %). Аналогичные результаты показал опрос «Левада-Центра» в 2020 г.¹⁸: 79 % россиян поддержали бы закон, гарантирующий женщине защиту от насилия со стороны партнера.

Примечательно, что опрос «Левада-Центра»¹⁹ также проанализировал аргументы противников закона (16 % опрошенных). Их аргументы хорошо соотносятся со стратегиями депроблематизации, обнаруженными в ходе нашего исследования. Самый популярный аргумент (18 % из числа противников) указывает на то, что такой проблемы нет (соотносится со стратегией антитипизации); 14 % считают, что «не нужно лезть в семью» (критика тактики и контрриторика затрат); 11 % — что женщины сами виноваты (стратегия натурализации). Однако в целом оказывается, что против закона о домашнем насилии выступает меньшинство граждан.

Дополнительным измерением, которое следует принять во внимание при анализе дискуссии о домашнем насилии, являются ценности. Из проведенного анализа хорошо видно, что некоторые стратегии прямо опираются на консервативные патриархальные или даже архаичные ценности, в то время как в других данные аргументы практически не используются. С помощью визуального картографического метода ситуационного анализа А. Кларк [Clarke, 2003] на рисунке 1 мы расположили данные стратегии в двух измерениях «карты позиций»: от отрицания проблемы к критике решения (горизонтальная ось), акцент на консервативных/патриархальных ценностях (вертикальная ось).

С учетом результатов опросов общественного мнения можно выдвинуть предположение, что наиболее «эффективными» стратегиями депроблематизации могут быть «критика тактики» и «контрриторика затрат». Поскольку большинство жителей России убеждены в важности решения проблемы домашнего насилия, маловероятно, что стратегии, отрицающие данную проблему, останутся эффективными. Стратегии, которые основываются на консервативных ценностях (критика неискренности, натурализация, компенсация), также склонны отрицать или занижать значимость проблемы. Однако «контрриторика затрат» в целом может отражать позицию консервативной части населения, и она одновременно хорошо стыкуется с критикой тактики. Возможно, по этой причине одним из ключевых нарративов противников закона о домашнем насилии [Муравьева, 2021] стал именно тезис

¹⁷ Худой мир — или добрая ссора? // ВЦИОМ. Новости. 2019. 16 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora> (дата обращения: 07.03.2022).

¹⁸ Россияне готовы поднять руку на домашнее насилие // Левада-Центр. 2020. 7 апреля. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/07/rossiyane-gotovy-podnyat-ruku-na-domashnee-nasilie> (дата обращения: 07.03.2022). Данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента».

¹⁹ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранного агента».

о недопустимости вмешательства в семейную жизнь. Он одновременно не отрицает полностью проблему как таковую, но критикует ее возможное решение через связь с традиционными ценностями.

Рис. 1. Стратегии депроблематизации домашнего насилия в зависимости от степени признания проблемы и акцента на патриархальных ценностях

Важно отметить, что проведенный анализ позволяет сделать лишь первый шаг к пониманию факторов, направляющих общественную дискуссию о проблеме домашнего насилия в России. Наше исследование ограничивается анализом публикаций в ведущих печатных изданиях, но не рассматривает дискуссию в социальных сетях, а также телевизионную повестку дня. Впрочем, мы полагаем, что данный источник информации позволил выделить ключевые аргументы. Кроме того, мы фокусируемся только на аргументах противников, оставляя без внимания стратегии конструирования «домашнего насилия» как проблемы. Также в данной работе мы не проводим количественный анализ, ставя перед собой лишь задачу классифицировать контрриторические стратегии. Все вышеперечисленное является важной повесткой для дальнейших исследований.

Список литературы (References)

Бадонов А. М. Домашнее насилие как инструмент власти в семье // *Власть*. 2017. Т. 25. № 2. С. 108—112.

Badonov A. M. (2017) Domestic Violence as an Instrument of Power in the Family. *Vlast*. Vol. 25. No. 2. P. 108—112. (In Russ.)

Казун А. Д. Конструирование публичной дискуссии и стратегии депроблематизации вступления России в ВТО // *Журнал институциональных исследований*. 2015. Т. 7. № 1. С. 95—111. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.1.095-111>.

Kazun A. D. (2015) Construction of Public Discussions and the Strategies of Deproblematization in the Debate on Russia's Accession to the WTO. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 7. No. 1. P. 95—111. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.1.095-111>. (In Russ.)

Казун А. Д., Дорофеева О. Е. Патриотизм, лоббизм, демонстративность. . . фреймирование импортозамещения в российских печатных СМИ // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 3. С. 132—154. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-132-154>.

Kazun A. D., Dorofeeva O. E. (2019) Patriotism, Lobbyism and Demonstration: The Framing of Import Substitution in Russian Print Media. *Mir Rossii*. Vol. 28. No. 3. P. 132—154. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-3-132-154>. (In Russ.)

Казун А. Д., Казун А. П. Когда беда приходит не одна: освещение трех трагедий в российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 128—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.09>.

Kazun A. D., Kazun A. P. (2017) When Troubles Never Come Singly: Coverage of Three Tragedies in the Russian Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 128—146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.09>. (In Russ.)

Казун А. Д., Казун А. П. Волновая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 284—306. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1754>.

Kazun A. D., Kazun A. P. (2020) Cyclic (De)Problematization: Coverage of the Coronavirus Pandemic in Russia on a Federal TV Channel. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 284—306. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1754>. (In Russ.)

Кольцова О. Ю., Ясавеев И. Г. Конструирование проблемы полицейского насилия в российской блогосфере: риторика, лейтмотивы и стили // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 3. С. 81—100.

Koltsova O., Yasaveyev I. G. (2013) Constructing the Police Violence Problem in the Russian Blogosphere: Rhetoric, Motifs and Claims-Making Styles. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 16. No. 3. P. 81—100. (In Russ.)

Маркова Я. М. Анализ официальной риторики противников принятия законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Логико-философские штудии. 2020. Т. 17. № 3. С. 240—256. <https://doi.org/10.52119/LPHS.2019.13.19.004>.

Markova Ia. M. (2020) An Analysis of the Official Rhetoric against the Enactment of the Draft Bill “On Domestic Violence Prevention in the Russian Federation”. *Logiko-Filosofskie Studii*. Vol. 16. No. 3. P. 240—256. <https://doi.org/10.52119/LPHS.2019.13.19.004>. (In Russ.)

Муравьева М. Г. «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 44—64. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.2>.

Muravyeva M. G. (2021) ‘My Family and I Are Absolutely against This Law’: Gender Citizenship and Domestic Violence in Contemporary Russia. *Interaction. Interview*.

Interpretation. Vol. 13. No. 3. P. 44—64. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.2>. (In Russ.)

Хилажева Г. Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 61—65.

Khilazheva G. F. (2015) Domestic Violence as a Social Problem of Contemporary Society. *Sociological Studies*. No. 3. P. 61—65. (In Russ.)

Ясавеев И. Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 91—102.

Yasaveyev I. G. (2006) Constructing “Non-problems”: Counterrhetorical Strategies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 9. No. 1. P. 91—102. (In Russ.)

Abraham M., Tastsoglou E. (2016) Addressing Domestic Violence in Canada and the United States: The Uneasy Co-habitation of Women and the State. *Current Sociology*. Vol. 64. No. 4. P. 568—585. <https://doi.org/10.1177/0011392116639221>.

Ali, P., Rogers, M., Heward-Belle, S. (2021) COVID-19 and Domestic Violence: Impact on Mental Health. *Journal of Criminal Psychology*. Vol. 11. No. 3, P. 188—202. <https://doi.org/10.1108/JCP-12-2020-0050>.

Barak G. (1998) Newsmaking Criminology: Reflections of the Media, Intellectuals, and Crime. *Justice Quarterly*. Vol. 5. No. 4. P. 565—587. <https://doi.org/10.1080/07418828800089891>.

Bullock C. F. (2007) Framing Domestic Violence Fatalities: Coverage by Utah Newspapers. *Women’s Studies in Communication*. Vol. 30. No. 1. P. 34—63. <https://doi.org/10.1080/07491409.2007.10162504>.

Carlyle K. E., Scarduzio J. A., Slater M. D. (2014) Media Portrayals of Female Perpetrators of Intimate Partner Violence. *Journal of Interpersonal Violence*. Vol. 29. No. 13. P. 2394—2417. <https://doi.org/10.1177/0886260513520231>.

Clarke A. E. (2003) Situational Analyses: Grounded Theory Mapping After the Postmodern Turn. *Symbolic Interaction*. Vol. 26. No. 4. P. 553—576. <https://doi.org/10.1525/si.2003.26.4.553>.

Gillespie L. K., Richards, T.N., Givens, E.M., Smith, M.D. (2013) Framing Deadly Domestic Violence: Why the Media’s Spin Matters in Newspaper Coverage of Femicide. *Violence Against Women*. Vol. 19. No. 2. P. 222—245. <https://doi.org/10.1177/1077801213476457>.

Holt S., Buckley H., Whelan S. (2008) The Impact of Exposure to Domestic Violence on Children and Young People: A Review of the Literature. *Child Abuse & Neglect*. Vol. 32. No. 8. P. 797—810. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2008.02.004>.

Ibarra P.R., Kitsuse J.I. (2003) Claims-Making Discourse and Vernacular Resources. In: Holstein J.A., Miller G. (ed.) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter. P. 17—50.

- Johnson M. P. (2010) A Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistance, and Situational Couple Violence. Lebanon, NH: Upne.
- Kazun A. (2016) Framing Sanctions in the Russian Media: The Rally Effect and Putin's Enduring Popularity. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 24. No. 3. P. 327—350.
- Kazun A. (2020) Agenda-Setting in Russian Media. *International Journal of Communication*. Vol. 14. P. 4739—4759.
- Kourti A., Stavridou A., Panagouli E., Psaltopoulou T., Spiliopoulou C., Tsofia M., Sergentanis T. N., Tsitsika A., 2021. Domestic Violence during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review. *Trauma, Violence, & Abuse*. <https://doi.org/10.1177/152483802111038690>.
- Maxwell K. A., Huxford J., Borum C., Hornik R. (2000) Covering Domestic Violence: How the Oj Simpson Case Shaped Reporting of Domestic Violence in the News Media. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 77. No. 2. P. 258—272. <https://doi.org/10.1177/107769900007700203>.
- McIntyre D. (1984) Domestic Violence: A Case of the Disappearing Victim? *Australian Journal of Family Therapy*. Vol. 5. No. 4. P. 249—258. <https://doi.org/10.1002/j.1467-8438.1884.tb00100.x>.
- Seely N., Riffe D. (2021) Domestic Violence in Appalachian Newspaper Coverage: Minimizing a Problem or Mobilizing for a Solution? *Feminist Media Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 66—81. <https://doi.org/10.1080/14680777.2020.1724174>.
- Spector M., Kitsuse J. I. (1977) Constructing Social Problems. Menlo Park, California, CA: Cummings Pub. Co.
- Taylor R. (2009) Slain and Slandered: A Content Analysis of the Portrayal of Femicide in Crime News. *Homicide Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 21—49. <https://doi.org/10.1177/1088767908326679>
- Van Gorp B., Vyncke B. (2021) Deproblematization as an Enrichment of Framing Theory: Enhancing the Effectiveness of an Awareness-Raising Campaign on Child Poverty. *International Journal of Strategic Communication*. Vol. 15. No. 5. P. 425—439. <https://doi.org/10.1080/1553118X.2021.1988615>
- Wanta W., Golan G., Lee C. (2004) Agenda Setting and International News: Media Influence on Public Perceptions of Foreign Nations. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 81. No. 2. P. 364—377. <https://doi.org/10.1177/107769900408100209>.
- Xue J., Chen J., Chen C., Hu R., Zhu T. (2020) The Hidden Pandemic of Family Violence during COVID-19: Unsupervised Learning of Tweets. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. 11. e24361. <https://doi.org/10.2196/24361>.